

Иван Харитонович Ромазан часто повторял: «Я из тех ворот, откуда вышел весь народ». Можно относиться к этому высказыванию, как к метафоре. Но на самом деле это та правда, которую подтверждают многие воспоминания, собранные в книге, посвященной 65-летию со дня рождения Ивана Харитоновича.

Создавалась книга усилиями работников музея ОАО «ММК» и отдела научно-технической информации. В ней собрано около семидесяти воспоминаний. Они разноплановы. Мы попытались отразить по возможности все этапы жизни Ивана Харитоновича, начиная с самого детства. И. Х. Ромазан родился 18 сентября 1934 года. Детство его было, что называется, барачным. Жили трудно. Особенно после ухода из семьи отца. Вся тяжесть воспитания детей — Ивана его сестры Марии — легла на плечи матери Зварты Андреевны.

О многих интересных подробностях детства рассказывает в воспоминаниях Мария Харитоновна Ромазан. Например, как Иван с детства любил музыку, народные песни. Отношение к этому у него было настолько трепетным, что строгий сосед по барачу, понимая страсть мальчишки, давал ему иногда свою гармонь.

Иван самозабвенно любил голубей, старательно ухаживал за ними и, когда их украли, по-мальчишески тяжело переживал эту потерю. Кроме того, в жизни подростков жилых участков был и свой особый колорит. Например, когда мальчишки, говоря барачным языком, «собирались в дальний поход», — это обозначало, что участок будет драться с участком. Когда Варвара Андреевна узнавала об этих «сборах», она забирала детей и вела их за несколько километров на огород обрабатывать грядки.

Иван Харитонович, будучи уже взрослым человеком, много раз благодарил маму за то, что она убергла его от бед, которые могли с ним произойти и о которых она даже не догадывалась. Воистину, жизненные обстоятельства сделали его человеком волевым и устремленным к достижению цели. Как вспоминает В. Ф. Алферов, однажды семиклассник Ромазан, сидя на завалинке барака, возражая одному из товарищей, вдруг со всей силой ударил костыльком о землю и выкрикнул: «А я буду директором комбината!»

В то время можно было по-разному относиться к этому заявлению. Сегодня же, когда мы знаем, что слова эти реализовались, отношение к ним однозначное: это была цель, пусть и не вполне осознанная, которую молодой человек поставил перед собой.

Далее была учеба в техникуме, институте, работа в цехе подготовки составов, на других руководящих должностях... Все это время самым преданным и близким человеком для Ивана Харитоновича была его жена — Евгения Яковлевна. Ее воспоминания самые трогательные и нежные. Она знала, что домашними и семейный муж очень дорожит. Но все-таки работа, комбинат, люди, которыми он руководил, были у него на первом месте. И Евгения Яковлевна принимала этот факт с пониманием и смиренно. Она вспоминает: «Помню, работал он тогда главным сталеплавыльщиком. Канун нового года, 31 декабря. Мы тогда сами делали в квартире ремонт. Приходит Иван после работы и говорит: «Ты, Женя, не обижайся, потерпи. Я должен повстречаться с рабочими и поздравить их с Новым годом». Вернулся он в два часа ночи, и мы вдвоем на табуретках встречали Новый год. И подобных случаев было много».

Говоря о Ромазане — главном сталеплавыльщике можно много приводить цифр и фактов, характеризующих рост производства стали, техническое оснащение цехов... Но самый главный фактор заключался не в этом. Главное — в его преданности и любви к Магнитку. И этот фактор давал о себе знать, где и на какой бы должности он ни находился: в Нижнем Тагиле главным инженером или на ММК директором комбината. Повторюсь: Иван Харитонович очень любил Магнитку. Это была та территория, с которой он был соединен «пуговиной» души. Очень интересно и образно говорит об этой связи в своих воспоминаниях В. Н. Кучер, бывший редактор газеты «Магнитогорский рабочий». Он называет комбинат особой общиной людей. Как член этой общины Ромазан внешне был таким же, как все: фуфайка, каска, рукавицы. А как вожак — он охранял и поддерживал всех, кто находился под его покровительством. Никого и никогда не давал в обиду кому-то со стороны. Он мог сам жестко

спросить, если надо — наказать. Подчиненные понимали и принимали «уроки» Ромазана. Тем более, что злости с его стороны не было. Более того, если он — после того, как остынет, почувствует, что «переборщил», — подойдет и извинится. Его уважали и ему подражали. Вот что пишет В. И. Каконин: «Ему подражали во всем, начиная с фуфайки, которую стали постепенно носить все руководители. Брали на вооружение его шутки и сравнения, а главное — заимствовали у него манеру, стиль работы с людьми... Он чувствовал и понимал людей. Он знал, чем они живут... А самое главное — он уважал людей. И уважение это было не по должности положенное, а от души, от его большого сердца, от жизни трудной и великой. И находясь в своем величии, он понимал, что все люди равны, кем бы они ни работали».

Взаимоотношения с подчиненными И. Х. Ромазана, его кадровая политика — это главная тема, через которую можно понять и самого Ивана Харитоновича, и его нравственные ориентиры, и производственные приоритеты... У него все упиралось в человека.

А. Л. Машурев, как и многие другие в своих воспоминаниях, называет Ромазана «психологом от Бога». Иван Харитонович видел человека, что называется, насквозь. Поэтому в его команду попали лишь те, на кого он мог по-настоящему опереться в деле.

А. Н. Цыкунов пишет: «И. Х. Ромазан решительно расставался с лентяями, лгунами, безразличными к делу работниками. И очень бережно выращивал молодых, перспективных специалистов, в которых поразительно точно угадывал талант и разглядывал огонек в глазах». Действительно, его собственное чутье при подборе людей было определяющим. И та система, которая существовала до него, была как бы отодвинута на второй план.

Известно, что до Ромазана на комбинате существовал определенный стереотип подготовки руководителей высшего звена. По общественной линии «стажировка» шла через партком, по производственной — чаще всего в ЛПЦ-4. «А меня он тогда поставил начальником сортопрокатного цеха», — читаем в воспоминаниях В. Ф. Рашникова. — В одну из пятниц меня пригласили на очный директорский график. Зачем — не сообщили, и я подумал, что придется отчитываться. Вдруг слышу: «Рашников Виктор Филиппович освобожден от должности начальника СПЦ и назначен на должность начальника производственного управления». До сих пор для меня так и осталось загадкой, почему он выбрал меня, что во мне увидел... Я постоянно ощущал его пристальное внимание. Все он знал, был в курсе всего, что происходит на том или ином участке работы. И если что-то было не так, если сбои начинались или что-то мы недоделывали, Иван Харитонович аккуратно так вмешивался и все исправлял. При этом он никогда не влезал, не врывался в твою работу грубо или демонстративно, не унижал недоверием или излишней опекой. Конечно, я всегда замечал: вот тут за меня поработал Иван Харитонович. Но он настолько деликатно вносил свои поправки, что его вмешательство вызывало в сердце только благодарность... Вообще же Иван Харитонович был очень добродушен к людям, много доверял им, ценил тех, кто работал самозабвенно, на полную катушку...»

Действительно, это так. Об этом говорится почти во всех воспоминаниях. Вот что пишет старший мастер ЦРМП А. Х. Габитов: «Строили мы обводной бор на 29-й печи. Сутки проработали, сделали основание, начали кладку. Под утро уснул. Сквозь сон слышу голос Ивана Харитоновича: «Уезжаете этого мужика домой». И в санаторий «Янган-Тау» я попал только по ходатайству И. Х. Ромазана. Заметил, что я хромаю, спросил: «Болят ноги?» А через два дня звонит: «Поедешь, Алексей, к себе на родину, в санаторий. Там тебя на ноги поставят».

Люди всегда высоко ценят человеческое отношение к себе со стороны руководителей. Тем более в такой неспокойной ситуации, которую создала перестройка. Выражение «дети Ромазана» на пустом месте не родилось бы.

Высокие духовные и нравственные качества никогда не упадут в цене, что бы с нами в нашей жизни ни происходило. Именно поэтому с такой теплотой люди вспоминают об Иване Харитоновиче Ромазане.

Т. ФАТИНА,
сотрудник музея ОАО «ММК».

А. А. МОРОЗОВ,
первый заместитель генерального директора
ОАО «ММК»:

«Твердая рука надежного капитана»

Вскоре после назначения Ивана Харитоновича в 1984 году главным инженером комбината он приехал в прокатный цех № 9. Я тогда исполнял обязанности начальника цеха. В это время сильно лихорадило работу мартенов, что отражалось на качестве заготовок и плановременности ее подачи. Вот бы получить надежные станки для участка зачистки! Он живо отреагировал, и вскоре станки были в цехе...

Иван Харитонович не «воспитывал» руководителей, а оказывал им конкретную помощь. Особое директорское внимание я ощутил, когда перешел в сортопрокатный цех. Оборудование было устаревшим, требовалась его замена. Энергичное вмешательство Ивана Харитоновича помогло провести реконструкцию центральной части холодильника стана «500», выполнить ремонт основного оборудования. Была усилена мехслужба, укреплено руководство цеха.

В ходе совместной работы я лучше узнал Ивана Харитоновича. Он каждый день с раннего утра посещал цехи, встречался с рабочими и руководителями. Был доступен каждому работнику комбината. Всегда работал с полной отдачей. Его искренность, трудолюбие, работоспособность заражали окружающих, и хотелось трудиться еще лучше и эффективнее.

Он не заигрывал. Был жестким и требовательным по отношению к разгильдяям, нарушителям технологии и трудовой дисциплины. Мно-

го внимания уделял организации отдыха сталеплавыльщиков. Любил петь песни, играть на аккордеоне и сочинять дружеские шаржи.

Иван Харитонович поддерживал, поощрял и организовывал работу всех переделов. Горняки и коксохимки работали на доменный цех. Старались выдержать содержание железа, прочность и основность агломерата, требуемую для высокопроизводительной работы доменных печей. Доменщики работали на мартеновцев, а сталеплавыльщики на обжиговые станы. Старались выдавать слитки с высокой температурой и требуемым качеством поверхности. Рабочие вместе с мастерами посещали сменно-встречные собрания коллективов, которым они поставляют свою продукцию. На месте решались вопросы по улучшению работы для получения продукции требуемого качества.

Он был доволен пуском кислородно-конвертерного цеха. Восторженно говорил: «Началось серьезное обновление комбината. Скоро будет построен и принят в эксплуатацию стан «2000» горячей прокатки. Будет пущен в эксплуатацию новый завод на территории комбината, оборудованный новой техникой, приборами, электроникой. Нам не будет стыдно перед нашими детьми и внуками».

В. Я. КИЯШКО,
заместитель главного инженера ОАО «ММК»
по ремонтам и строительству.

Созидатель

Иван Харитонович Ромазан! И сегодня на оперативных совещаниях перед трудящимися, знавшими этого директора и общавшимися с ним, я часто говорю: «Дядя Ваня давал такое направление... Дядя Ваня решал так...» Теплое, русское прозвание этого человека и сегодня сближает всех прошедших рядом с ним по легендарной магнитогорской земле.

Хорошо помню унылое совещание в красном уголке второго мартеновского цеха. В конце совещания начальник отдела кадров комбината Б. И. Буйвид зачитал приказ директора Д. П. Галкина о предоставлении отпуска главному сталеплавыльщику и о назначении и. о. главного сталеплавыльщика И. Х. Ромазана.

На ближайшем совещании Иван Харитонович обратился к нам и попросил: «Мужики (да, именно мужики), я знаю, что у вас времени тоже не хватает. Поэтому я вас освобождаю от этих совещаний. Но если возникнет необходимость и я вам позволю, прошу не отказывать и выручать».

Иван Харитонович неплохо умел предвидеть свою роль и место в перспективе. Немногие его коллеги помнят тот прощальный вечер 1980 года, когда он был приказом МЧМ назначен главным инженером Нижнетагильского металлургического комбината. Тогда он сказал: «Я уезжаю от вас в Нижний Тагил, чтобы вернуться на Магнитку директором родного комбината». Так далеко вперед мог смотреть только Ромазан.

Перед вступлением И. Х. Ромазана на должность директора комбината лихорадило производство, плюс снежная зима. Короче говоря, мы ходили в

долгах, как в шелках. Такое положение уже не на шутку беспокоило МЧМ. В такой ситуации Иван Харитонович становится у руля. Буквально в считанные месяцы на комбинате появилась незавершенка, и даже сверхнормативная. Полным ходом развернулось строительство кислородно-конвертерного цеха и стана «2000» горячей прокатки. В необычных условиях комбинат провел большую реконструкцию блюминга № 3. Необычность была в том, что все строители были заняты на ККЦ, и на плечи ремонтников лег весь объем строительного-монтажных работ.

Крупномасштабных руководителей нашего комбината один ветеран называл титанами. Приходит на память строки стихов моей дочери: «Россия слишком велика, чтоб ею править гениально!»

Разве могла гениально править великой Россией партийная номенклатура горкомов и обкомов, когда по земле ходили такие люди, как Григорий Иванович Носов, Феодосий Дионисович Воронов, Иван Харитонович Ромазан и им подобные личности, которым дано было право только созидать, но не править...

Ю. В. ФЕДУЛОВ,
главный специалист перспективного развития
Доменного производства.

220 ступенек высоты

... Завершая 1985 год, 12 декабря, как обычно, в 8 часов утра начальник доменного цеха Виталий Петрович Монастырских ведет ежедневный рапорт. В 9 часов в комнату рапортов быстро входит взволнованный диспетчер цеха. Сообщает, что на доменной печи № 9 авария — пошел чузун из труб охлаждения лежачей. Прибегаем на печь. В районе фундамента темно, сгорела проводка.

Вскоре подъехал генеральный директор. Первый вопрос: «Жертвы есть?» — «Нет». — «Какая нужна срочная помощь?» — «Пожарные машины для заливки расплава».

Минут через 10-15 поднимаюсь в помещении пульт управления печью. И. Х. Ромазан один. Через диспетчера дает команды службам комбината. Спрашивает о причине аварии. Несовершенство конструкции низа печи...

В 16 часов Иван Харитонович на печи собрал все службы комбината. Командует, чтобы все встали в круг и докладывали. По каждому докладу сразу принимаются решения. По прямому указанию генерального директора цехи и службы комбината в недельный срок организованно выполнили работы, равные месячному объему. Печь была пущена в эксплуатацию с наименьшими потерями производства...

Не помню такого случая, чтобы генеральный директор поднимался на колосниковую площадку доменной печи. А Иван Харитонович поднимался! Да так, что идущие за ним отстали. Даже специалисты ниже рангом не утруждали себя подниматься на эту 40-метровую отметку. А тут

человек, наделенный самыми большими полномочиями власти на комбинате, человек без ступни, прошагал 220 ступенек вверх, чтобы самому разобраться в деталях возникшей проблемы. Какая высокая требовательность к себе!

... Пожалуй, худшая столовая на комбинате в то время была в доменном цехе. Генеральный принял решение о строительстве новой, сам проводил совещания со строителями.

— Исаак Шмулевич, — обратился он к начальнику отдела оборудования Дахису, — где изготавливается самое лучшее оборудование для столовых?

— В Прибалтике, Иван Харитонович. — Завтра оформляй командировку — и срочно в Прибалтику. Нет, слушай, у вас ведь Пасха! Давай сразу после Пасхи...

Невольно думаешь: ведь Исаак Шмулевич расшибется, но выполнит поручение после такого внимательного к нему отношения...

Проезжаем как-то мимо доменных печей 5, 6, 7 и 8. Высказываю идею: как бы вместо четырех печей, не уменьшая производства, установить две.

— А кто работать будет? Многие пойдут торговать, производство в стране сократится в два-три раза...

Только через два-три года я понял справедливость этих слов...

(Из книги «Иван Ромазан». Публикуется в сокращении).